

Е.В. Шишпаренок

Иркутский государственный университет

**Экзистенциальная проблема
поиска человеком собственной веры
в творчестве А.П. Чехова 1880 – 1890-х годов**

Аннотация: Одна из ключевых проблем творчества А.П. Чехова – проблема поиска человеком собственной веры – носит экзистенциальный характер, поскольку философская значимость придается здесь осмыслению личного жизненного опыта. Герой Чехова пытается понять свое равнодушие к жизни, свое чувство скуки и принять его как одно из фундаментальных ощущений нашего бытия. На пути такого самопознания героя опыт сибирско-сахалинского путешествия автора оказал свое непреходящее значение.

The human quest for his own faith is a key problem of the A.P. Chekhov's work. It has an existential character, because the comprehension of personal experience acquires great philosophical significance. The Chekhov's hero tries to understand his indifference to life, his boredom and to receive it as one of the main feeling in our being. The author's knowledge of his traveling to Siberia and Sakhalin is of great importance in this way of hero's self-knowledge.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Сибирь и Сахалин, экзистенциализм, вера и религия, бытие, одиночество.

A.P. Chekhov, Siberia and Sakhalin, existentialism, faith, being, loneliness.

УДК: 891.713(092) Чехов.

Контактная информация: Иркутск, ул. Карла Маркса, 1. ИГУ, филологический факультет. Тел. (3952) 243995. E-mail: irk-lena@yandex.ru.

В 1889 году Чеховым была написана «Скучная история». Через шесть лет – в 1895 – повесть «Три года». В промежутке между ними – сахалинское путешествие писателя и, кто знает, может быть, именно этот душевный опыт автора (это чеховское «все просахалинено») позволил герою повести «Три года» Лаптеву продолжить начатые еще в «Скучной истории» поиски «бога живого человека».

Одна из ключевых проблем творчества А.П. Чехова – выявление смысла, вносимого человеком в собственную веру. Эта проблема по своей сути носит экзистенциальный характер, так как первостепенная философская значимость придается здесь осмыслению личного жизненного опыта.

Религиозное отношение оказывается внутренним элементом, глубочайшей структурой самого человеческого бытия, именуемого «экзистенцией». Герой рассказов А.П. Чехова – если взять некий обобщенный образ – это чаще всего человек страдающий, внутренне противоречивый, неудовлетворенный и ищущий. Он пытается ответить себе на вопрос о том, как ему жить и как верить. Андрей Ефимыч в «Палате № 6» «чрезвычайно любит ум и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватает характера и веры в свое право» [Чехов, 1974–1983, т. 8, с. 84]. В этом «неверии в свое право» угадывается глубокий душевный разлом, потерянности в мире, неверие и желание верить.

Веры как выхода из лабиринта равнодушия и душевной неполноты ищет герой «Рассказа неизвестного человека». «Эх, – говорит он, – к этому безмятежному спокойствию и удовлетворению, какое наполняет душу, хотя бы кусочек какой-нибудь веры!» [Чехов, 1974–1983, т. 8, с. 84].

Попробуем понять это желание чеховского героя найти свою внутреннюю веру, источником которой является часто противоречие религии и жизни, при помощи экзистенциального анализа, который, как мы уже говорили, выбирает формой освоения бытия не абстрактную мысль, а человеческое существование. И здесь наиболее близким нам представляется учение М. Хайдеггера.

Человек, по Хайдеггеру, пытается понять и объяснить мир, слушая, в первую очередь, свои ощущения, свое настроение и состояние души. Одно из таких настроений, о котором говорит мыслитель, оказывается созвучно творчеству А.П. Чехова, – это чувство «настоящей скуки». «До нее еще далеко, – пишет Хайдеггер, – когда нам просто скучна эта книга или тот спектакль, та профессия или это безделье. Она врывается, когда “берет тоска”. Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом» [Хайдеггер, 2007, с. 31].

Душевное состояние, к которому неизбежно приходят главные герои повестей «Скучная история» и «Три года» (несмотря на то, что один из них молод, а другой стоит уже у рубежа своей жизни) очень похоже. Оба героя чувствуют, что у них, говоря словами Николая Степановича, «уже нет семьи и нет желания ее вернуть» [Чехов, 1974–1983, т. 7, с. 291]. Профессор словно видит свою ситуацию со стороны и анализирует ее. Причиной этого всепоглощающего безразличия он называет отсутствие в своей душе «бога живого человека», некой общей высшей идеи – истинной веры. Та вера в науку, которой он жил, которая была и страстью, и смыслом, и наслаждением, оказывается неспособной оправдать человеческое существование перед лицом вечности, она не дает возможности обрести «свою судьбу как способ своей уверенности в бытии» [Ясперс, 1994, с. 403]. Лаптев не определяет так точно своего состояния, он говорит языком чувства и самоощущения.

«У меня такое чувство, как будто жизнь наша уже кончилась, а начинается теперь для нас серая полужизнь..., а теперь, когда ты сказала, что нам необходимо переезжать на Пятницкую, в эту тюрьму, то мне стало казаться, что у меня нет уже и будущего» [Чехов, 1974–1983, т. 9, с. 86].

Николай Степанович говорит о вере как о некой внутренней точке самоопоры личности. Подобным образом определяет веру философ-экзистенциалист К. Ясперс, как нечто «объемлющее, что руководит нами даже тогда, когда рассудок, по всей видимости, опирается только на свои собственные законы», то, что «наполняет сокровенные глубины человека, что движет им, в чем человек выходит, возвышается над самим собой, соединяясь с истоками бытия» [Ясперс, 1994, с. 226–227].

Кто знает, может быть, Николай Степанович мог бы найти в своей душе зерна именно такой веры и позволил бы им вызреть и принести плоды, если бы было время, если бы болезнь и знание о ней не превратили будущее в неотвратимое приближение конца. Такое же состояние, когда пропадает воля к жизни, показано – в свернутом виде, не со стороны самой героини, а глазами Николая Степановича – и у Кати, которая еще молода и, наверное, способна пережить свое разочарование. Ее история как будто продолжается в другой повести – в жизни молодого купца Лаптева.

Т.В. Васильева в своей книге «Семь встреч с М. Хайдеггером» говорит как об одном из основных понятий философии Хайдеггера о понятии опасности бытия, сопряженного со страхом и заботой. «Бытие в этом мире “опасно”. Но спасение человека не в преодолении страха, не в устранении опасностей, а в принятии

этого тревожного ощущения как одного из оснований бытия» [Васильева, 2004, с. 216]. Повесть «Три года» – если взглянуть на нее с позиции описанного нами положения философии Хайдеггера – суть преодоление, претворение своего ощущения опасности и бессмысленности бытия в экзистенциальную цельность и наполненность своей жизни.

Может быть, не случайно в названии повести присутствует временной компонент – три года – это именно тот промежуток времени, который понадобился герою, чтобы прийти к себе, восстановить свою экзистенциальную целостность, причины раскола которой, как мы можем догадаться, находятся в далеком детстве и связаны, возможно, с религиозной стороной веры как внешним, искажающим само существо понятия процессом, ведущим к глубокому внутреннему противоречию.

В эти три года рушится вся жизнь Лаптева – отношения с женой, холодность, переходящая в раздражение, становятся тягостны. Лаптев бежит от них, но бежать уже некуда. В амбаре ему душно и кажется, что «миллионы и дело, к которому у него не лежала душа, испортят ему жизнь и окончательно сделают из него раба» [Чехов, 1974–1983, т. 9, с. 89]. Рушатся отношения с друзьями. Умирает от болезни ребенок. Теряет зрение отец. Сходит с ума брат Федор, с которым они были близки с детства. Но из глубины этой – и внешней, и внутренней безнадежности – герой повести находит выход, возможность возродиться к жизни и созиданию – и в деле отца, и в своей семье. «Но он все стоял и не уходил, и спрашивал себя: «Что же меня держит здесь?» [Там же, с. 90] Этот вопрос, обращенный к себе, позволяет нам почувствовать преодоление человеком своего страдания, своей охваченности «ужасом» и беспросветностью бытия. Ведь Лаптев принимает и как-то спокойно, день за днем переживает и свою безответную любовь, и свое противоречивое отношение к дому, к отцу, как будто чувствуя в этой душевной горечи скитальчества и неукорененности залог освобождающего блага. Заключительные слова повести звучат спокойно и жизнеутверждающе: «Лаптев следил за ним неволью и думал о том, что, быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет... И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем?»

И думал:

«Поживем – увидим»» [Там же, с. 91].

В них чувствуется уже не бытийный «ужас», а, наоборот, некое вольное или невольное допущение о конечной благорасположенности бытия к исконным человеческим запросам в добре и счастье.

А. Камю выражает противоречие человека через понятие метафизического бунта. Человек способен пережить свое чувство абсурда и только через это – принять жизнь во всей ее полноте. «Ошибочно думать, – пишет А. Камю, – будто количество опыта зависит от обстоятельств жизни. Оно зависит только от нас самих. <...> Двум людям, прожившим равное число лет, мир предоставляет всегда одну и ту же сумму опыта. Необходимо просто осознать его. Переживать свою жизнь, свой бунт, свою свободу как можно полнее – значит жить, и в полную меру». Философ выводит из абсурда три следствия: мой бунт, моя свобода и моя страсть. «Одной лишь игрой сознания я превращаю в правило жизни то, что было приглашением к смерти» [Камю, 1990, с. 57–58]. Путь экзистенциального человека – это путь от отрицания мира к согласию с ним. Таков путь главного героя повести «Три года» и, возможно, путь самого Чехова.

В эпистолярном наследии Чехова мы часто встречаем подобное состояние апатии и скуки. Вот, пожалуй, одно из самых ярких свидетельств. «Черткову я отдал «Палату № 6», – пишет он А.С. Суворину в 1893 году, – потому что перед весной я находился в таком настроении, что мне было все равно. Если бы он стал просить все мои произведения, то я отдал бы и если бы он пригласил меня на висулицу, то я пошел бы. Этакое безличное и безвольное состояние держит меня

иногда по целым месяцам. Этим отчасти и объясняется весь строй моей жизни» [Чехов, 1974–1983, т. 23(5), с. 225]¹. Чехов не смог вычеркнуть из своей жизни такие настроения, но смог научиться жить с ними. Они были не препятствием, а способом осознать свое представление об окружающем мире. Нужно предположить, что на этом пути огромное значение для Чехова имело его путешествие на Сахалин как возможность увидеть другую сторону жизни и прочувствовать ее через свое одиночество.

Что действительно привнес в душевный мир Чехова Сахалин, как и истинные мотивы путешествия, мы никогда не узнаем наверняка. Но мы можем проследить некоторые настроения автора в дороге по его письмам. «У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну», – напишет чехов А.С. Суворину 15 апреля 1890 г. [Чехов, 1974–1983, т. 22(4), с. 62]. Упоминания Чехова о трудностях довольно редки, но в то же время убедительны. За унылым состоянием духа, в которое приводят дорожные тяготы и лишения, чувствуется сожаление писателя о том, что все это заслоняет собой сибирский мир и сибирского человека². Значит, Чехов хотел и именно старался взглянуть на Сибирь не мельком, а как-то внимательно, не ограничиваясь положением проезжего, не извне, а изнутри.

Думая о путешествии Чехова, так и хочется спросить: откуда у человека столько воли к продолжению пути, столько бодрости духа и физической выносливости. Ведь напишет своей семье еще в начале дороги: «Ах, как тяжело на душе. Слушаешь ругань, глядишь на изломанные оглобли, и кажется тебе, что ты брошен в другой мир, что тебя сейчас затопчут» [Там же, с. 84].

Тем не менее, это тягостное ощущение пути и жизни на острове не выражено ярко ни в письмах, ни в «Сахалине». Почему? Было ли это свойством характера А.П. Чехова – стоически переносить трудности? Или это было огромное волевое усилие над собой, с целью не впустить свое утомление и раздражение в тот образ Сибири, который создавался под пером писателя, чтобы не сделать его излишне пугающим? Чтобы не добавлять преувеличений, а, напротив, постараться рассказать о нашем северо-востоке более спокойно и эмоционально непредвзято?

Один из приемов или способов создания чеховского текста сибирско-сахалинской тематики – писем и, в большей степени, книги – это внутренняя полемика со сказанным ранее о Сибири и Сахалине (в частности, с произведениями, включенными в список при подготовке к поездке – 60 источников). В этом плане интересно сопоставить два фрагмента – из очерков Чехова и статьи Ив. Мевеса «Три года в Сибири и на Амурской стороне».

Ив. Мевес передает разговор с одним ссыльным, «который, – читаем, – сообщил мне, что нашел в Сибири четыре вещи: траву без зелени, цветы без запаха, птиц без голоса и человека без сердца. <...> Во всем этом была своя доля правды», – пишет автор. И дальше: «Чего не достает Сибири? – подумал я... “Смысла”, – отвечал мне внутренний голос» [Мевес, 1863, с. 70, 81]. Чехов тоже разговаривает со случайным знакомым в избе мужика Андрея, где пришлось переночевать:

– Спросите его (сибирского человека. – *Е.Ш.*): для чего он живет?

– Человек работает, сыт, одет, – говорю я. – Что же ему еще нужно?

¹ Ср.: в письме Ал.П. Чехову этого же года читаем: «меня обуяли физическая и мозговая вялость, точно я переспал. Состояние противное, ничего не болит, но тянет на постель или на диван. Читаю массу, но вяло, без аппетита. А в душе, как в пустом горшке из-под кислого молока: сплошное равнодушие» [Чехов, 1974–1983, т. 23(5), с. 189–190]; и снова А.С. Суворину: «душа моя утомлена. Скучно...» [Там же, с. 104] и т.д.

² В письме к И.А. Леонтьеву (Щеглову): «...Все это имело для меня подавляющее значение и отодвигало природу и сибирского человека на второй и третий планы» [Чехов, 1974–1983, т. 22(4), с. 102–103].

– Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет. В России небось понимают!

– Нет, не понимают [Чехов, 1974–1983, т. 14-15, с. 22].

Таким ответом автор приводит в недоумение своего собеседника и словно хочет сказать, что, в общем, не Сибирь виновата в том, что смысла нет, а человек, который этот смысл ищет и найти не может.

Экзистенциализм сделал религиозность внутренним миром человека и обнаружил в нем не только пропасть, где бытие является абсолютно разорванным, как абсурд, но и заявил о том, что человек способен из этой пропасти выйти победителем. Путь абсурдного человека, как пишет А. Камю, указал еще Ф. Ницше, когда сказал следующее: «Становится ясно, что самое важное на земле и на небесах – это долгое и однонаправленное подчинение, его результатом является нечто, ради чего стоит жить на земле, а именно мужество, искусство, музыка, танец, разум, дух – нечто преобразующее, нечто утонченное, безумное или божественное» [Камю, 1990, с. 58].

Между творчеством Чехова и философией экзистенциализма невозможно поставить знак равенства – созданный писателем мир, как и жизнь человека вообще, по словам Л. Шестова, «не укладывается ни в одну из выдуманных нами идей» [Шестов, 1993, с. 72]. Сопоставление оправдано тем, что, при наложении одного на другое, высвечивается целый ряд смыслов, которые становятся настоящим открытием для читателя и помогают приблизиться к этому глубокому, сокровенному пониманию человеческой души, которое оставил нам Чехов.

Литература

- Васильева Т.В. Семь встреч с М. Хайдеггером. М., 2004.
Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
Мевес Ив. Три года в Сибири и на Амурской стороне // Отечественные записки. 1863. № 7. С. 60–90.
Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2007.
Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974–1983.
Шестов Л. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1: Власть ключей.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.